

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

СОНЕТЫ

Уильям Шекспир

Сонеты

Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28748062*

Сонеты: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-982744-3

Аннотация

Сонеты Шекспира – высочайший из эталонов «высокой поэзии». Историки литературы вот уже несколько веков спорят о них, пытаясь разрешить загадку таинственной «смуглой леди» и юного друга великого поэта, которым они посвящены. О возможной истории создания сонетов написано множество книг, научных и художественных, и снято несколько фильмов. Ну а обычные читатели просто наслаждаются красотой языка Шекспира и страстью его вдохновения, превратившими это собрание сонетов в самый гениальный поэтический цикл в истории мировой литературы.

Данный сборник позволит вам прочитать сонеты Шекспира как в оригинале, так и в разных переводах на русский язык.

Содержание

Сонет I	6
Сонет II	9
Сонет III	12
Сонет IV	15
Сонет V	18
Сонет VI	21
Сонет VII	24
Сонет VIII	27
Сонет IX	30
Сонет X	33
Сонет XI	36
Сонет XII	39
Сонет XIII	42
Сонет XIV	45
Сонет XV	47
Сонет XVI	49
Сонет XVII	52
Сонет XVIII	55
Сонет XIX	58
Сонет XX	61
Сонет XXI	64
Сонет XXII	67
Сонет XXIII	70

Сонет XXIV	73
Сонет XXV	75
Сонет XXVI	77
Сонет XXVII	79
Сонет XXVIII	81
Сонет XXIX	83
Сонет XXX	85
Сонет XXXI	88
Сонет XXXII	91
Сонет XXXIII	94
Сонет XXXIV	97
Сонет XXXV	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Уильям Шекспир

Сонеты

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Сонет I

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the ripper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding.
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

От избранных существ потомства мы желаем,
Чтоб роза красоты цвела из рода в род,
Чтоб старому, когда к земле он пригнетаем,
На смену возникал такой же юный всход.
А ты, в себя лишь взор блестящий устремляя,
Его огонь живишь из недр своих же благ,
И, где обилие, там голод порождая,
Нещаден к прелести своей, как лютый враг.
Ты, мира лучший цвет и вестник несравненный

Ликующей весны, — хоронишь от людей
В сомкнутой завязи свой жребий драгоценный
И разоряешься от скупости своей.
Не объедай же мир чрез меру и чрез силу,
Чтоб все его добро не унести в могилу.

Перевод В.С. Лихачева

Потомства от существ прекрасных все хотят,
Чтоб в мире красота цвела — не умирала:
Пусть зрелая краса от времени увяла —
Ее ростки о ней нам память сохранят.
Но ты, чей гордый взор никто не привлекает,
А светлый пламень сам свой пыл в себе питает,
Там голод сея, где избыток должен быть —
Ты сам свой злейший враг, готовый все сгубить.
Ты, лучший из людей, природы украшень,
И вестник молодой пленительной весны,
Замкнувшись, сам в себе хоронишь счастья сны.
И сеешь вокруг себя одно опустошень.
Ты пожалей хоть мир — упасть ему не дай
И, как земля, даров его не пожирай.

Перевод Н.В. Гербеля

Мы красоте желаем размноженья,
Нам хочется, чтоб цвет ее не вял, —
Чтоб зрелый плод, — как все, добыча тленья —
Нам нежного наследника давал.

А ты, плененный сам собой, питая
Твой юный пыл своим топливом, сам
Творя бесплодье вместо урожая,
Сам враг себе, жесток к своим дарам.
Ты ныне миру внешних дней отрада,
Один глашатай прелестей весны,
В зачатке губишь цвет твоей улады,
Скупец и мот небесной красоты.
    Так пожалей же мир, иначе плод
    Твоей красоты с тобою гроб пожрет.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет II

When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gaz'd on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held:
Then being ask'd where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say, within thine own deep-sunken eyes,
Were an all-eating shame and thriftless praise.
How much more praise deserv'd thy beauty's use,
If thou couldst answer 'This fair child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse,'
Proving his beauty by succession thine!
    This were to be new made when thou art old,
    And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

Когда глубокие следы сорокалетия
Цветущий дол твоей красы избороздят
И нищенский покров из жалкого веретья
Заменил юности блистательный наряд,
Тогда-то на вопрос: что сделал ты с красою?
Где все сокровища беспечно-добрых дней? –
Постыдной было бы, нелепой похвальбою
Ответить: все они во впадинах очей.
Не большею ли ты себя покрыл бы славой,

Когда б ответить мог: «Прекрасное дитя,
Мой долг вам уплатив, мне даст на старость
право», –
Кто возразил бы, вновь твой образ обрета?
Вот от чего твое воспрянуло бы тело;
Вот что остывшую бы кровь твою согрело.

Перевод В.С. Лихачева

Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят,
Изрыв твою красу, как ниву плуг нещадный,
И юности твоей убор, такой нарядный,
В одежду ветхую бедняги превратят, –
Тогда на тот вопрос, с которым обратятся:
«Скажи, где красота, где молодость твоя?» –
Ужель ответишь ты, вину свою тая,
Что в мраке впалых глаз твоих они таятся?
А как бы ты расцвел, когда б им не шутя
Ответить вправе был спокойно и с сознанием:
«Вот это мной на свет рожденное дитя
Сведет мой счет и мне послужит оправданьем».
Узнал бы ты тогда на старости любовь,
Способную согреть остывшую кровь.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда твой лик осадят сорок зим,
Изрыв красу твоей роскошной нивы,
То блеск его, теперь неотразим,

Представится тогда мрачней крапивы.
И на вопрос, где красота бывала,
Сокровище твоих весенних дней,
Не прозвучит ли как насмешка злая
Ответ: «В глуби ввалившихся очей»?
Насколько ж будет лучше применение
Твоих даров, когда ответишь: «Вот
Мой сын, в нем старости моей прощенье»...
И снова лик твой миру зацветет.
Так, стариком, ты станешь юным вновь,
Когда в другом твоя зардеет кровь.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет III

Look in thy glass, and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime:
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.
But if thou live, remember'd not to be,
Die single, and thine image dies with thee.

Ты видишь в зеркале свое изображение?
Скажи ему: пора подобное создать;
Иначе у земли ты совершишь хищенье,
У юной матери отнимешь благодать.
Где та красавица, чья девственная нива
Такого пахаря отвергла бы, как ты?
Найдется ли глупец, чтоб скрыть себялюбиво
Во мраке гробовом наследье красоты?
Для матери твоей ты зеркало такое ж,

Она в тебе апрель свой дивный узнает:
Сквозь стекла старости в родных чертах откроешь
Ты также золотой звезды своей восход.
Но, если хочешь ты посмертного забвенья,
То умирай тогда один – без отраженья.

Перевод В.С. Лихачева

Подумай, в зеркале увидев образ свой,
Что должен он в другом созданье возродиться;
А если нет, то мир обманут был тобой
И счастья мать одна через тебя лишится.
Кто б пренебречь дерзнул любовью твоей
Из дев, как ни была б собой она прекрасна,
И грудь могла ль ее так сделаться бесстрашна,
Чтоб захотеть сойти в могилу без детей?
Ты матери своей хранишь изображение –
И видит вновь она в тебе свою весну.
Ах, так и ты, склоня взор к старости окну,
Увидишь и вкусишь вновь юности волненье!
Но если хочешь быть забытым, милый мой,
Умри холостяком, а с ним и образ твой.

Перевод Н.В. Гербеля

Вот зеркало. Взгляни и отраженью
Скажи: пора преемника создать,
Иначе ты лишишь благословенья
Мир светлый и неведомую мать.

Где та, чья непорочная утроба
Отвергнет радость понести твой плод?
Где тот, кто хочет быть подобьем гроба
В самолюбви, чтоб прекратить свой род?
Ты отблеск матери, верни ж и ты ей
Апрель ее красы. И пусть твой сын
Тебе вернет назад дни золотые
Твоей весны в дни грустные морщин!
Но коль не хочешь памяти людей,
Умри один с наружностью своей!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет IV

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free.
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive.
Then how, when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
Which, used, lives th' executor to be.

О расточительный! Зачем в расцвете юном
На самого себя изводишь ты свой клад?
Природа не дарит, а в долг дает красу нам,
И торовата к тем, кто также тороват.
Прекрасный скопидом, зачем добро чужое,
Тебе врученное, считаешь ты своим?
Безумный ростовщик, зачем тебе такое
Богатство, если жить ты не даешь другим?
Ведь в ростовщичество с самим собой играя,

Красавец, ты себя обманываешь сам:
Наш бранный мир на зов природы покидая,
Какой, скажи, итог ты завещаешь нам?
Краса твоя пойдет в один с тобою ящик,
А не останется, как твой душеприказчик.

Перевод В.С. Лихачева

Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь
Безумно на себя все, что ни получаешь?
Природа не дарит, а лишь взаймы дает,
И то лишь тем, кто долг свой честно отдает.
Зачем же ты, скупец, во зло употребляешь
Врученное тебе и праздно расточаешь?
Такие суммы, друг, не следует сорить,
Когда и без того едва ты можешь жить!
Имея дело лишь с одним самим собою,
Себя же выгод всех лишаешь ты в борьбе.
Когда ж твой бранный прах покроется землею,
То что благого ты оставишь по себе?
Бесплодной красота твоя сойдет в могилу,
Тогда как по себе ты б мог оставить силу.

Перевод Н.В. Гербеля

Прелестный мот небесных чар, не трать
Сам на себя дары благой природы!
Свободная, она ведь может взять
То, что дарует в долг детям свободы.

И так, зачем ты, красота скупая,
Не отдаешь с щедротой то, что щедро
Тебе дано, без пользы возвращая
Сокровище в сокровищное недро?
Имея дело только сам с собой,
У чар твоих крадешь ты обаянье,
И в день Суда, за гробовой доской
Какое ты предъявишь оправданье?
Бесплодная краса умрет с тобой,
Но, давши плод, останется живой.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет V

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there;
Sap check'd with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o'ersnow'd and bareness every where:
Then, were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor no remembrance what it was:
    But flowers distill'd, though they with winter meet,
    Leese but their show; their substance still lives sweet.

Те самые часы, чьей силой властной
Краса весны так дивно расцвела, –
Как злой тиран, разрушат вид прекрасный
И уничтожат все свои дела.
Не хочет время ждать! Отрада лета,
Глядишь, сменилась скучною зимой,
Замерзла жизнь, нет ни листа, ни цвета,
И спит краса под снежной пеленой.
Да, если б сок цветов мы в плен не брали,

Чтоб сохранить следы весны в стекле, —
С красой бы все дела ее пропали,
Была б она забыта на земле;
Сок извлечен, — и есть предел утрате:
Хоть нет цветов, — есть жизнь в их аромате.

Перевод Н.А. Холодковского

То время, что в труде приятном взор создало,
Который всех теперь влечет и веселит,
Тираном станет вновь, как то не раз бывало,
И прежней красоты навек его лишит.
Затем что время, вслед за уходящим летом,
Приводит из-за гор суровую зиму —
И мерзнет сок в лесу пустынном и раздетом,
А взор лишь видит снег, безжизненность и тьму.
Тогда, мой друг, когда благие соки лета
Не заключил бы рок в стеклянную тюрьму,
Вся красота его погибла б без привета
И превратилась в прах, чтоб погрузиться в тьму.
Но нежный цвет, в экстракт на зиму превращенный,
Теряет внешность лишь, не запах благовонный.

Перевод Н.В. Гербея

Те самые часы, что нам родят
Прелестный лик, чарующий все взгляды,
Как злой тиран в тиши готовят яд,
Чтоб смыть с лица блеск вешнего наряда.

Ведь время неустанно гонит лето
К убожеству уродливой зимы,
Где снегом все, как саваном одето,
Где листья и цветы – добыча тьмы.
Когда в стенах хрустального фиала
Не жил бы вешний запах и зимой,
То сладость бы его не оживала,
И память бы о нем была немой.
Но, извлеченный из цветов, зимою
Хранит он хоть на вид – их суть собою.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет VI

Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer, ere thou be distill'd:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure, ere it be self-kill'd.
That use is not forbidden usury,
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier, be it ten for one;
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigur'd thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
Be not self-will'd, for thou art much too fair
To be death's conquest and make worms thine heir.

Спеши сберечь для нас цветник благоуханный,
Пока суровая зима не подошла;
Наполни сладостью сосуд, тобой избранный,
Пока в себе самой краса не умерла.
Ведь ты ростовщиком того де называешь,
Кому должник свой долг от сердца отдает:
Другого лишь себя ты миру оставляешь,
А за добавочных — добавочный почет,
И счастье личное ты в десять раз умножишь,

Коль, вместо одного, создашь десятерых:
От смерти понести какой ущерб ты можешь,
Продолжив бытие в наследниках своих?
Так не упрямься же: с твоею ли красою
Червям лишь кормом стать под сенью гробовую!

Перевод В.С. Лихачева

Не дай зиме убить весны все совершенства
В себе, пока она плода не принесла!
Создай себе фиал и подари блаженство
Своею красотой, пока не умерла!
Тебя ростовщиком не назовут за это,
Затем что этот долг все платят без труда.
Ты образ свой создашь для счастья и привета,
А если десять с ним – и это не беда.
И каждый в десять раз тебя счастливей будет,
Произведя на свет по десять раз тебя –
И смерть вражду к тебе надолго позабудет,
Увидя, сколько раз ты повторил себя.
Ты слишком уж красив и мил душе моей,
Чтоб пищей смерти быть, наследьем стать червей.

Перевод Н.В. Гербеля

Не дай зиме жестокой извести
Твой аромат весенний. Влей же счастье
В какой-нибудь фиал, дай нарасти
Сокровищу красы до дней ненастья.

И не считай такой прирост запретным:
Плательщику ты радость принесешь.
Сам для себя не умирай бездетным,
Не раз, а десять раз себя размножь.
Будь счастлив десять раз своей судьбою,
Вкушая счастье десяти детей.
Что, что похитит смерть тогда с тобою,
Когда ты жив в чертах семьи твоей?!

Кто так красив, не должен быть упрям.
Не завещай красы твоей червям.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет VII

Lo! in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climb'd the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage;
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age, he reeleth from the day,
The eyes, 'fore duteous, now converted are
From his low tract, and look another way:
So thou, thyself outgoing in thy noon,
Unlook'd on diest, unless thou get a son.

Когда могучее светило нам с востока
Являет ясный лик, с восторгом на него
Взирает каждое в тот миг земное око,
Приветствуя лучей победных торжество;
Когда, как юноша в цвету, на холм небесный
Взбирается оно, все в золотом огне, —
Им ослепленные, мы клоним взор чудесный,
Подъем его следя по синей крутизне;
Когда же с высоты полудня ковыляет

Оно по-старчески на отдых и покой, –
Вниманья нашего оно не привлекает
И одиноко путь доканчивает свой.
Вот так же и тебя на склоне мир забудет,
Коль старости твоей лелеять сын не будет.

Перевод В.С. Лихачева

Когда светило дня вздымает на востоке
Свой лучезарный лик – восторг у всех в глазах
И каждый на своем приветствует пороге
Приход его, пред ним склоняясь во прах.
Вступив на высоту небесного восхода,
Как юноша, за грань успевший перейти,
Оно еще влечет к себе глаза народа,
Следящего его в благом его пути.
Когда ж оно во прах склоняется к закату,
Как мир под гнетом лет и бременем труда,
Холодные к его померкнувшему злату,
Лукавые глаза глядят уж не туда.
Так, полдень пережив, и ты, друг, как руина,
Склонишься в прах, когда иметь не будешь сына.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда поутру благодатный свет
Вздымает лик свой пламенный с востока,
Все взоры шлют восторженный привет
Величию всевидящего ока.

Достигнув до вершин пути, оно,
Подобно юности в поре расцвета,
Опять красой для смертного полно,
Все в золоте полуденного света.
Но чуть оно, как путник утомленный,
Начнет сходить к земле, к разлуке с днем,
То ум людской, бывало, восхищенный,
Теперь уже не думает о нем.
    Так в старости умрешь ты, позабыт,
    Коль облик твой твой сын не воскресит.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет VIII

Music to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy.
Why lovest thou that which thou receiv'st not gladly,
Or else receivest with pleasure thine annoy?
If the true concord of well-tuned sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear.
Mark how one string, sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering,
Resembling sire and child and happy mother,
Who all in one, one pleasing note do sing:
Whose speechless song being many, seeming one,
Sings this to thee: 'thou single wilt prove none.'

Твой голос – музыка: так почему же внимлешь
Ты музыке с тоской? Ведь нега к неге льнет;
А ты приятное нерадостно приемлешь
И не бежишь того, что скорбь тебе несет?
Аккорды стройные твой чуткий слух терзают,
Но их гармония – лишь ласковый упрек.
Они, звуча в одно, тебе напоминают,
Что вне гармонии земной ты одинок.
Ты слышал ли, как две струны в согласном строе

Свободно льющейся мелодией звучат?
Так и отец, и мать, и их дитя – все трое
Одну и ту же песнь в сердцах своих таят.
И говорят тебе немые звуки эти:
Кто одинок – того как будто нет на свете.

Перевод В.С. Лихачева

Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?
Прекрасному нельзя с прекрасным враждовать;
Зачем же любишь то, что с грустью встречаешь,
И с радостью спешишь все злое воспринять?
Когда гармония согласных звуков хора
В их сочетанье слух твой может оскорбить,
То это потому, что в нем есть тон укора:
Зачем ты все одним предпочитаешь быть.
Заметь, что две струны, касаясь друг друга,
Как мирная семья, в согласии живут,
Где мать, отец и сын, не выходя из круга,
Один прекрасный звук согласно издают.
И песня их без слов твердит тебе и всем:
«Оставшись холостым, останешься ничем!»

Перевод Н.В. Гербеля

Звук музыки тебе печаль внушает.
Но почему? Цветок цветку ведь друг?
Зачем же любишь то, что огорчает,
И рад тому, что мучит, как недуг?

Когда согласие сладкопевных звуков
В созвучьи нежном тяготит тебя,
Оно ворчит, – как дед на милых внуков, –
Что ты живешь, лишь сам себя любя.
Заметь, что струнный звук всегда в другом
Находит отклик в стройном сочетаньи,
Как мать, отец, дитя – всегда в одном
Созвучьи шлют хваленье мирозданию.
Слив голоса, без слов, все за одно,
Они поют: «бездетный, ты ничто»!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет IX

Is it for fear to wet a widow's eye,
That thou consumest thyself in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee, like a makeless wife;
The world will be thy widow and still weep
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep
By children's eyes, her husband's shape in mind.
Look, what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it;
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused, the user so destroys it.
No love toward others in that bosom sits
That on himself such murderous shame commits.

Не страх ли, что вдову ты здесь в слезах покинешь,
Тебя принудил дать безбрачия обет?
Напрасно! Если ты от нас бездетным сгинешь,
Вдовою по тебе останется весь свет.
Он, как вдова, о том скорбеть и плакать станет,
Что отпечаток твой утрачен для него;
Вдова же, в детские глазенки только взглянет,
Вновь обретет черты супруга своего.
Не разорвет мир добытых благ растрата:

Сам промотаешься – других обогатишь;
Но изжитой Красе нет на земле возврата:
Растратишь без толку – весь мир красоты лишишь.
Движениям любви то сердце непокорно,
Которое себя изводит так позорно.

Перевод В.С. Лихачева

Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился,
Ты одиноко век провести желаешь свой –
Желаешь, чтоб твой прах такою же слезой,
Как хладный прах жены бесплодной, оросился?
И, сделавшись вдовой бездетною твоей,
Мир будет о твоём бесплодии терзаться;
Тогда как для вдовы способны представляться
За мужнины глаза – глаза её детей.
Все то, что тратит мот, лишь место изменяет –
И мир все траты те берет себе в удел!
Но трата красоты имеет свой предел:
Не трогая, он тем её уничтожает.
Нет к ближнему любви в груди холодной той,
Что поступает так безжалостно с собой!

Перевод Н.В. Гербеля

Из страха вызвать слезы у вдовы
Себя ты истощаешь одиноко?
Но, без потомства умирая, ты
Вдовой оставишь мир земной, глубоко

Скорбящей, что унес ты, уходя,
Твой несравненный лик с собой в могилу.
Ведь плач у вдов при взгляде на дитя,
В котором жив опять покойник милый,
Сменяется улыбкою. Утрата,
Случившись здесь, там прибылью всплывет.
Но с красотой не так: ей нет возврата,
Когда она бесплодно отцветет.
В том нету места для любви к другим,
Кто беспощаден так с собой самим.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет X

For shame! deny that thou bear'st love to any,
Who for thyself art so unprovident.
Grant, if thou wilt, thou art belov'd of many,
But that thou none lovest is most evident;
For thou art so possess'd with murderous hate,
That 'gainst thyself thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire.
O! change thy thought, that I may change my mind:
Shall hate be fairer lodg'd than gentle love?
Be, as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:
    Make thee another self for love of me,
    That beauty still may live in thine or thee.

Сознайся – стыд и срам! – собою беззаботно
Пренебрегая, ты не любишь никого;
Другим себя любить позволишь ты охотно,
Но тщетно ждать любви от сердца твоего.
Питаешь к людям ты такое отвращенье,
Что даже восстаешь на самого себя
И сокрушить готов прекрасное строенье,
Которое хранить обязан ты любя.
Одумайся, чтоб мог и я сказать иное.

Краса лишь для любви должна служить жильем:
Где доброта в лице, там кстати ль сердце злое?
Хоть самому себе не будь лихим врагом!
Хоть для меня, прошу, создай еще такого,
В котором видеть бы я мог тебя второго!

Перевод В.С. Лихачева

Признайся мне, что ты не любишь никого,
Когда и о себе заботишься так мало!
Не мало дев вилося близ сердца твоего,
Но сердце для любви твое не расцветало –
Затем что злобы ты исполнен до того,
Что сам готов вступить с самим собой в сражение,
Об удаление в тень стараясь всего,
Чего б ты должен был искать восстановления.
Опомнись, чтоб и я мог мысли изменить!
Ужель жилище зла прекраснее любви?
Ты так красив – сумей настолько ж добрым быть
И не давай в себе бурлить напрасно крови!
Подобие свое создай хоть для меня,
Чтоб красота жила в тебе иль близ тебя.

Перевод Н.В. Гербея

Не говори, что любишь ты других,
Когда ты сам себя так злобно губишь:
Пусть ты любимец множества твоих
Друзей, но сам ты никого не любишь.

Ты так жесток к себе, так страшно лют,
Что на себя же руку поднимаешь
И хочешь в прах стереть приют
Сокровища, которым обладаешь.
О, изменись, чтоб изменил я мнение!
Не гневу жить роскошнее любви!
Будь, как твой вид, мил, полон снисхожденья
И сам к себе участие прояви:
Стань сам собой. И из любви ко мне
В потомстве дай вновь цвести своей весне.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XI

As fast as thou shalt wane, so fast thou growest,
In one of thine, from that which thou departest;
And that fresh blood which youngly thou bestowest,
Thou mayst call thine when thou from youth convertest.
Herein lives wisdom, beauty and increase;
Without this, folly, age, and cold decay:
If all were minded so, the times should cease
And threescore year would make the world away.
Let those whom Nature hath not made for store,
Harsh, featureless and rude, barrenly perish:
Look, whom she best endow'd she gave thee more;
Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish:
    She carved thee for her seal, and meant thereby
    Thou shouldst print more, not let that copy die.

Как вянуть будешь ты день ото дня, так будешь
День ото дня цвести ты в отпрыске своем;
Ту кровь, что в юности отдать себя принудишь,
Своею назовешь, сам ставши стариком.
Вот в чем и разум наш, и красота, и сила;
А вне — безумие, бессилье, вечный мрак:
Тогда и время бы свой ход остановило,
И род людской тогда невольно бы иссяк.
Кто на земле рожден не для продленья рода,

Уродлив, груб, суров, — тот гибни без следа;
Но, видя, как щедра к избранникам природа,
Дары ее сберечь ты должен навсегда:
На то в тебе и знак ее печати явлен,
Чтоб миру в оттисках был подлинник оставлен.

Перевод В.С. Лихачева

Как быстро будешь ты, стареясь, увядать,
Так быстро и в своем потомстве возродишься,
И кровь — с растратой чьей святыни примиришься —
Еще живя, своей успеешь ты назвать.
При этом — красота, спокойствие, потомство,
Без этого — болезнь, безумье, вероломство.
Когда бы все как ты решились поступать,
Через семьдесят лет мир пришлось бы отпевать.
Пусть те, кому злой дух назначил быть скупцами,
Умрут, не дав плода до времени-поры;
Но ты, благих небес осыпанный дарами,
Беречь бы должен был те чудные дары.
Природа образ твой в печать преобразила,
Чтоб оттиски ее потомство сохранило.

Перевод Н.В. Гербеля

Ты в меру увяданья будешь вновь
Расти в одном из детищ юных дней.
Зачатую в пору расцвета кровь
Ты будешь, старясь, называть своей.

В том мудрость, красота и размножение:
Вне этого ж – безумие, распад.
И, если б все твое имели мнение, –
Конец всему лет через шестьдесят.
Пусть, созданный не для продления рода,
Урод-калека без плода умрет!
Кому ж дала так много мать-природа,
Пусть щедрый дар в обилии вернет!
Ты создан был затем ее резцом,
Чтоб быть потомству вечным образцом.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XII

When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night;
When I behold the violet past prime,
And sable curls, all silvered o'er with white;
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves,
Borne on the bier with white and bristly beard,
Then of thy beauty do I question make,
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake
And die as fast as they see others grow;
    And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
    Save breed, to brave him when he takes thee hence.

Часов ли мирные удары я считаю,
За днем ли, тонущим во тьме ночной, слежу,
С земли увядшую ль фиалку поднимаю,
На кудри ль в седине серебряной гляжу,
Иль вижу с тощими, без зелени, ветвями
Деревья, в летний зной убежище для стад,
Иль, безобразными белея бородами,
Поблекших трав копны передо мной лежат, —
В раздумье о тебе исполнен я заботы,

Что и тебя в твой час раздавит бремя лет:
Урочной смерти все обречены красоты –
И их напутствует других красот расцвет;
От Старца грозного, с его косой не сытой,
Одно потомство нам лишь может быть защитой.

Перевод В.С. Лихачева

Когда мой слух часы бегущие считает,
А глаз следит, как ночь день в сумрак превращает:
Когда я вижу, как фиалка никнет в прах,
И злая седина является в кудрях;
Когда на лес нагой гляжу я из оконца,
Дававший в летний зной убежище от солнца,
И вижу, как траву, красу родных лугов,
Увозят, чтоб сухой сложить ее под кров –
Тогда о красоте твоей я помышляю,
Что Время и ее погубит, так как знаю,
Что блеск и красота склоняются во прах,
Чтоб место дать другим, стоящим на глазах.
От Времени ж косы, таящей вероломство,
Способно охранять тебя одно потомство.

Перевод Н.В. Гербеля

Звучит ли бой часов и время гонит,
Иль вянет лепесток за лепестком,
Гляжу ль, как бодрый день во мраке тонет,
Как черный локон смешан с серебром, –

Когда я вижу рощу оголенной, –
Бывало, в зной, убежище для стад –
Как зелень лета старец убеленный,
Скосив стогами, полагает в ряд, –
Тогда меня всегда вопрос терзает:
Неужли чудный облик твой умрет,
Как красота здесь так же скоро тает,
Как перед нею новая растет?

Косы времен не одолеешь ты,
Не передав потомству красоты.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XIII

O, that you were yourself! but, love you are
No longer yours than you yourself here live:
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give.
So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Yourself again after yourself's decease,
When your sweet issue your sweet form should bear.
Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold,
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?
O, none but unthrifths! Dear my love, you know
You had a father: let your son say so.

О, если б ты собой остался! Но, бесценный,
Не больше, чем живешь, ты можешь быть собой;
Спеши, пока душа еще в одежде брэнной,
Другому передать прекрасный облик свой.
На срок лишь получил ты ссуду красотой;
В бессрочную б тогда ты обратил ее
И после смерти бы своей вновь стал собою:
Твой сын бы сохранил подобие твое.
Кто опрометчиво допустит до крушенья

Свой дом, имея в нем надежнейший оплот,
От леденящего безвременно вторженья
Губительной зимы? Кто ж больше, как не мот!
Был у тебя отец; мой милый, отчего же
И сыну твоему не говорить того же?

Перевод В.С. Лихачева

О если б мог ты быть всегда самим собой!
Но ты принадлежишь себе, покамест дышишь,
И, смерти чуть шаги зловещие услышишь,
Другому передать обязан образ свой.
Тогда лишь красота, которой обладаешь,
С тобою не умрет – и, превратившись в прах,
В потомстве снова ты звездой заблитаешь,
Когда твой образ вновь воскреснет в их чертах.
Кто пасть такому даст прекрасному жилищу,
Когда его еще возможно поддержать,
Чтоб силе выюг оно могло противостать
И холоду времен, присущему кладбищу?
Тот, кто небережлив! Ведь ты, друг милый мой,
Имел отца – так пусть и сын то ж скажет твой!

Перевод Н.В. Гербеля

О, если б мог ты быть всегда собой!
Но помни, милый, что ты здесь не вечен,
Что есть конец – чтоб жив был образ твой,
Ты должен быть потомством обеспечен.

Тогда лишь лик твой не утратит силы
Неистребимых чар. И станешь ты
Опять собою даже за могилой,
Когда твой сын возьмет твои черты.
Кто допустил бы дом до разрушенья,
Когда бы мог его спасти уход
От зимней стужи, от уничтоженья
Под натиском рассвирепевших вод?
Лишь мот! – О друг, ему не подражай!
Ведь ты имел отца, отца и сыну дай.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XIV

Not from the stars do I my judgement pluck;
And yet methinks I have astronomy,
But not to tell of good or evil luck,
Of plagues, of dearths, or seasons' quality;
Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:
But from thine eyes my knowledge I derive,
And constant stars in them I read such art
As 'Truth and beauty shall together thrive,
If from thyself, to store thou wouldst convert';
Or else of thee this I prognosticate:
'Thy end is truth's and beauty's doom and date.'

Я не из звезд свои познания почерпаю,
Хотя науку звезд я несколько и знаю,
Но только не затем, чтоб голод предвещать
Иль приближенье бурь по ним предузнавать;
И о висящих злом над кем-нибудь невзгодах
Не в состоянье я его предупредить,
И что б ни ждало нас в бегущих встречу годах,
Я не могу того властителям открыть.
Все знание мое в глазах твоих, с тобою —

И в этих лишь звездах сумел я прочесть,
Что будут красота и правда процветать,
Когда оставишь ты потомство за собою.
Иначе предскажу тебе я, милый мой,
Что в гроб с тобой сойдут и правда с красотой.

Перевод Н.В. Гербеля

Я не у звезд сужденья похищаю,
Но мнится мне, я все же звездочет,
Хотя пророчески не возвещаю
Ни счастья, ни бедствия приход.
Я не умею даже предсказать
Дождя, грозы, чумы, засухи или
Того, как принцы будут поживать... —
О чем бы небеса ни говорили.
Но мне глаза твои, как звезды, знанье
Внушают, что во все века пройдут
Краса и правда в дивном сочетаньи,
Когда в твоём потомстве оживут.
Иначе так предсказываю я:
С тобой умрет и красота твоя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XV

When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;
When I perceive that men as plants increase,
Cheered and check'd even by the self-same sky,
Vaunt in their youthful sap, at height decrease,
And wear their brave state out of memory;
Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with Decay
To change your day of youth to sullied night;
    And all in war with Time for love of you,
    As he takes from you, I engraft you new.

Когда я вижу, что все дышащее вокруг
Бывает лишь на миг прекрасно, милый друг,
Что только зрелищ ряд дает нам сцена мира,
Понятный лишь для звезд полночного эфира;
Когда я вижу, что под грозной твердью той,
Как злаки, люди вокруг родятся и плодятся,
Сначала к небесам, потом к земле стремятся
И исчезают вслед из памяти людской:
Тогда, в виду всех зол и суетности бренной,

Краса твоя сильнее мне взоры поразит
И Времени – скупцу, грабителю вселенной –
Не дать бы лишь твой день в мрак ночи
превратить –
Я объявлю войну, подвигнутый тобою,
И отнятое вновь отдам тебе с лихвою.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда гляжу, как все кругом растет,
Но только на мгновенье совершенно, –
Как плотский мир лишь призрачно живет,
Влиянью звезд покорный сокровенно, –
Когда я вижу, что людей, как травы,
Растит, хранит и косит тот же рок,
Даруя им отраду и отраву,
Сливая жизнь и смерть в один поток, –
В раздумии тогда перед виденьем
Твоей роскошной красоты стою,
И страшно мне, что время вместе с тленьем
Сведут в мрак ночи молодость твою.
И я хочу свою подставить грудь
И все тебе, что отнято, вернуть.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XVI

But wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant, Time?
And fortify your self in your decay
With means more blessed than my barren rhyme?
Now stand you on the top of happy hours,
And many maiden gardens yet unset
With virtuous wish would bear you living flowers,
Much liker than your painted counterfeit:
So should the lines of life that life repair,
Which this Time's pencil, or my pupil pen,
Neither in inward worth nor outward fair,
Can make you live your self in eyes of men.
    To give away yourself keeps yourself still,
    And you must live, drawn by your own sweet skill.

Зачем в борьбе со Временем голодным
Надежнее вам не искать исхода?
Мне не спасти стихом моим бесплодным
Вас от того, к чему ведет природа.
Теперь вы лучших дней своих свидетель.
Как много девичьих садов готово
Принять цветы живые! добродетель
Их, верно, воссоздаст на почве новой.
Ваш образ так не отразят портреты,

Как Времени перо в чертах потомства,
И робкие мои не сохранят сонеты
Вас от веков руки и вероломства.
Отдать себя и снова самочувство
И жизнь обрести от своего искусства.

Перевод Б.В. Бера

Зачем не сбросишь ты губительное бремя,
Которым так гнетет тебя седое Время?
Зачем не вышлешь, друг, в отпор на грозный зов,
Ты нечто посильней, чем пук моих стихов?
Теперь уж ты достиг поры своей счастливой,
И много пышных клумб среди девственных садов
Украсить мог бы ты кошицею цветов,
Похожих на тебя, как твой портрет красивый.
Да, жизнь должна сама себя изображать,
Так как перо и кисть не могут приказать
Жить вечно на стене пред публикою грешной
Твой образ с стороны ни внутренней, ни внешней.
Ты сохранишь себя, отдавшись любя, –
И долго будешь жить, изобразив себя.

Перевод Н.В. Гербея

Но почему не избираешь ты,
Воюя с временем, пути вернее?
И не берешь в защиту красоты
Оружия, моих стихов мощнее?

Теперь достиг ты счастья вершин.
На свете много девственных целин
Готово возродить твой пышный цвет
Куда живее, чем в стихах поэт.
Так жизнь сама вернет твой облик вешний:
Ни летопись, ни пыл любви моей
Его не в силах внутренне и внешне
Заставить вечно жить в очах людей.
Сам от себя себя же отделив,
Собой рожден, – ты будешь вечно жив.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XVII

Who will believe my verse in time to come,
If it were fill'd with your most high deserts?
Though yet, heaven knows, it is but as a tomb
Which hides your life and shows not half your parts.
If I could write the beauty of your eyes
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say 'This poet lies;
Such heavenly touches ne'er touch'd earthly faces.'
So should my papers, yellow'd with their age,
Be scorn'd, like old men of less truth than tongue,
And your true rights be term'd a poet's rage
And stretched metre of an antique song:
But were some child of yours alive that time,
You should live twice; in it, and in my rhyme.

Моим поэмам кто б поверить мог,
Коль Ваших качеств дал я в них картину?
Они – гроб Вашей жизни, знает Бог,
Их могут передать лишь вполовину.
И опиши я Ваших взоров свет
И перечисли все, что в Вас прелестно,
Грядущий век решил бы: «Лжет поэт,
То лик не человека, а небесный».
Он осмеем бы ветхие листы

Как старцев, что болтливей, чем умнее.
Он эту правду счел бы за мечты
Иль старой песни вольные затеи.
Но будь у Вас ребенок в веке том,
Вы жили б дважды – и в стихах, и в нем.

Перевод Н.С. Гумилева

Увы, мои стихи все презрят, позабудут,
Когда они полны твоих достоинств будут,
Хотя – то знает Бог – они лишь гроб пока,
Где скрыта жизнь твоя, хвалимая слегка!
Когда б я красоту твою воспеть был в силах
И перечислить все достоинства твои,
Потомок бы сказал: «Он лжет – поэт любви!
Таких нет между тех, чья участь – гнить в могиле!»
И перестанет мир листкам моим внимать,
Как бредням стариков болтливых, неправдивых.
И те хвалы, что лишь тебе принадлежат,
Сочтутся за мечты, за звуки стоп игривых.
Но если бы детей имел ты не во сне,
То ты в моих стихах и в них бы жил вдвойне.

Перевод Н.В. Гербея

С годами кто, кто будет верить мне,
Как бы слова тебя не возносили?
Мои стихи, как надпись на могиле,
Не в силах вызвать образ твой вполне.

И если б даже верно был воспет
В моих стихах твой облик несравненный,
В грядущем кто не скажет: «Лжет поэт:
Нет красоты такой во всей вселенной!»?
От времени мой пожелтевший свиток
Поднимут на смех, как вранье глупца,
И вешних прелестей твоих избыток
Покажется всем выдумкой льстеца.
    Когда ж бы сын твой был в твоих летах,
    Ты жив бы в нем был и – в моих стихах.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XVIII

Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date:
Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimm'd;
And every fair from fair sometime declines,
By chance or nature's changing course untrimm'd:
But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou owest,
Nor shall Death brag thou wander'st in his shade,
When in eternal lines to time thou growest,
    So long as men can breathe or eyes can see,
    So long lives this and this gives life to thee.

Сравню ли я тебя с днем светлым лета?
Милей его ты, кротче и нежнее.
Холодный ветер – злобный враг расцвета,
Дни летние могли бы быть длиннее.
Порою око неба слишком знойно,
Иль золото его закрыто тучей,
И красота боится беспокойно
Природы иль случайности летучей.
Твое лишь лето вечное не минет,

И красота не будет скоротечность.
Смерть с похвалбой тень на тебя не кинет,
Когда в стихе изведаеть ты вечность.
Пока есть люди и пока есть зренье,
Жив будет стих и ты, его творенье.

Перевод Б.В. Бера

Как я сравню тебя с роскошным летним днем,
Когда ты во сто раз прекрасней, друг прекрасный?
То нежные листки срывает вихрь ненастный
И лето за весной спешит своим путем;
То солнце средь небес сияет слишком жарко,
То облако ему туманит ясный зрак –
И все, что вокруг манит, становится неярко
Иль по закону злой природы, или так –
Случайно; но твое все ж не увянет лето
И не утратит то, чему нельзя не быть,
А смерть не скажет, что все в тень в тебе одето,
Когда в стихах моих ты вечно будешь жить.
И так, пока дышать и видеть люди будут,
Они, твердя мой гимн, тебя не позабудут.

Перевод Н.В. Гербея

Сравню ли я тебя с весенним днем?
Нет, ты милее длительной красою:
Злой вихрь играет нежным лепестком,
Весна проходит краткой полосой.

Светило дня то шлет чрезмерный зной,
То вдруг скрывается за тучей мрачной...
Нет красоты, что, строгой чередой
Иль случаем, не стала бы невзрачной.
Твоя ж весна не ведает теней,
И вечный блеск ее не увядает.
Нет, даже смерть бессильна перед ней!
На все века твой образ просияет.
Пока есть в людях чувства и мечты,
Живет мой стих, а вместе с ним и ты!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XIX

Devouring Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-lived phoenix in her blood;
Make glad and sorry seasons as thou fleets,
And do whate'er thou wilt, swift-footed Time,
To the wide world and all her fading sweets;
But I forbid thee one most heinous crime:
O! carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men.

Yet, do thy worst, old Time: despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young.

О время! Когти льва, чуть стар, тупи нещадно,
Земные существа земле и предавай,
У тигра зубы рви из пасти кровожадной
И феникса в крови его же сожигай;
Чредою лет и зим над миром пролетая,
Будь миру вестником и радостей и бед,
Рази красу, когда поникнет, увядая, –
На преступленье лишь одно тебе запрет:
Попутно не клейми зловещими чертами

Прекрасное чело любимца моего;
Как образец красоты грядущим вслед за нами
В наследие оставь нетронутым его.
А повредишь ему – я этот вред поправлю
И друга юношей в стихах своих прославлю.

Перевод В.С. Лихачева

Закрой свой львиный зев, прожорливое Время, –
И пусть сама земля пожрет своих детей!
Лиши тигрицу гор стальных ее когтей
И Феникса сожги в крови его, как бремя!
В течении своем твори и разрушай
И делай, что на ум ни вспало бы порою,
И с миром, и с его увядшей красотой,
Но только одного проступка не свершай:
Не проводи на лбу, из всех на самом лучшем –
Лбу друга моего – злых черт своим пером;
Нетронутым оставь в пути его своим,
Чтоб образцом красоты он мог служить в грядущем.
Но если б ты его и превратило в прах,
Он будет юным жить всегда в моих стихах.

Перевод Н.В. Гербеля

Тупи и старь, о время, когти львов,
Пусть жрет земля то, что сама рождает!
Пусть тигра пасть лишается зубов,
Пусть Феникс сам в своей крови сгорает!

Твори, что хочешь, смерть и жизнь неся,
И по пути все вялое сметая!
Лети над миром, крася и кося, —
Но одного не трогай, пролетая:
Не борозди морщинами лица
Моей любви. Пускай без изменений
Останется оно для образца
И радости грядущих поколений...
А впрочем, что ни делай, чужд мне страх:
Мой милый вечно юн в моих стихах.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XX

A woman's face with nature's own hand painted
Hast thou, the master mistress of my passion;
A woman's gentle heart, but not acquainted
With shifting change, as is false women's fashion:
An eye more bright than theirs, less false in rolling,
Gilding the object whereupon it gazeth;
A man in hue all 'hues' in his controlling,
Which steals men's eyes and women's souls amazeth.
And for a woman wert thou first created;
Till Nature, as she wrought thee, fell a-doting,
And by addition me of thee defeated,
By adding one thing to my purpose nothing.
But since she prick'd thee out for women's pleasure,
Mine be thy love and thy love's use their treasure.

Прекрасный женский лик природой вдохновенной
Тебе, души моей царю-царице, дан;
Как женщина, таишь ты в сердце драгоценный
Источник нежности – но чужд ему обман;
Правдивые глаза сияют женских ярче
И кроют блеском все, на что устремлены;
Муж позавидует, что твой румянец жарче:
Ты мука для него и гибель для жены.
Природа женщиной задумала сначала

Тебя создать; но ты пленил ее собой –
И у меня она тебя отвоевала,
Вооружив совсем ненужной мне красой.
Так пусть любовь твоя послужит мне наградой,
А женщинам краса останется усладой.

Перевод В.С. Лихачева

Тебе девичий лик природой дан благою –
Тебе, что с ранних пор владыкой стал моим,
И нежный женский пыл, но незнакомый с тою
Податливостью злой, что так присуща им,
И боле страстный взор и менее лукавый,
Златящий все, на что бывает устремлен;
Но цвет лица – мужской, со всей своею славой,
Опасный для мужей и милый для их жен.
Ты б должен был, мой друг, быть женщиной
наружно,
Но злой природы власть, увы, тебе дала,
Мой ненаглядный, то, что вовсе мне не нужно,
И тем меж нами нить любви перервала.
Но если создан ты для женского участия,
То мне отдай любовь, а им – тревоги счастья.

Перевод Н.В. Гербеля

Лик женщины, начертанный природой,
Имеешь ты, царица-царь души;
И сердце женское без безбородой

Притворности, изменчивости, лжи.
Твой взор правдивей, проще и свежей,
Все золотя вокруг, куда ни взглянет,
Равно и жен пленяя и мужей,
К себе невольно все живое манит.
Сперва женой ты зачат был природой:
Творя, она влюбилась и потом
Прибавкою, лишив меня свободы,
Оставила на свете ни при чем.
Раз сотворен ты женам в наслажденье,
Дай мне любовь, а им – ее свершенье.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXI

So is it not with me as with that Muse
Stirr'd by a painted beauty to his verse,
Who heaven itself for ornament doth use
And every fair with his fair doth rehearse,
Making a couplement of proud compare,
With sun and moon, with earth and sea's rich gems,
With April's first-born flowers, and all things rare
That heaven's air in this huge rondure hems.
O, let me, true in love, but truly write,
And then believe me, my love is as fair
As any mother's child, though not so bright
As those gold candles fix'd in heaven's air:
Let them say more that like of hearsay well;
I will not praise that purpose not to sell.

Нимало не влечет меня к себе та лира,
Что вдохновляется искусственной красой
И, ослепленная сиянием кумира,
Поет избранницу восторженной хвалой,
В порыве дерзостном ее уподобляя
То солнцу, то луне, то первенцам-цветам,
И все прекрасное на помощь призывая,
Что небо и земля являют щедро нам.
Тому, кто в песнях лжи, как и в любви, не знает,

Поверьте, что его прелестный друг ни в чем
Прелестнейшим сынам земли не уступает –
Хотя небесного сиянья нет на нем;
Пускай усердствуют лжецы напропалую,
А я ведь песнями своими не торгую.

Перевод В.С. Лихачева

Я не похож на тех, чья Муза, возбуждаясь
К святому творчеству живою красотой
И в гордости своей самих небес касаясь,
Красавицу свою равняет то с луной,
То с солнцем золотым, то с чудными дарами,
Лежащими в земле, в глубоких безднах вод,
И, наконец, со всем, что вокруг нас и над нами
В пространстве голубом сияет и живет.
О, дайте мне в любви быть искренним – и верьте,
Что милая моя прекрасней всех других,
Рожденных женщиной; но как ее ни мерьте,
Все ж будет потемней лампад тех золотых,
Что блещут в небесах! Пускай другой добавит!
Ведь я не продаю – чего ж ее мне славить?

Перевод Н.В. Гербеля

Со мной не так, как с Музой, вдохновленной
Поддельной красотой. – Пускай в стихах
Она равняет обоготворенный
Кумир всему, что блещет в небесах,

И не смущается перед сравнением
С луною, с солнцем, с чарами земли,
С цветком Апреля и со всем твореньем,
Что небо и земля произвели.
Но я, в любви правдивый, и правдив
В моих стихах. Да, светел, как дитя,
Мой нежный друг, хоть и не так красив,
Как в небесах зардевшая звезда.
Пусть больше выскажет, кто может лгать.
Что мне хвалить? Ведь мне не продавать!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXII

My glass shall not persuade me I am old,
So long as youth and thou are of one date;
But when in thee time's furrows I behold,
Then look I death my days should expiate.
For all that beauty that doth cover thee
Is but the seemly raiment of my heart,
Which in thy breast doth live, as thine in me:
How can I then be elder than thou art?
O, therefore, love, be of thyself so wary
As I, not for myself, but for thee will;
Bearing thy heart, which I will keep so chary
As tender nurse her babe from faring ill.
Presume not on thy heart when mine is slain;
Thou gavest me thine, not to give back again.

Что стар я, зеркало меня в том не уверит,
Пока ты с юностью ровесник; но, когда
Свой путь крылатое морщинами отмерит,
И на твоём лице, – поверю я тогда.
Твоей прелестью одел, как пеленою,
Я сердца своего заветные мечты;
Оно – в твоей груди, твое же, взято мною:
Могу ли постареть я ранее, чем ты?
Побереги ж себя, и обо мне радея,

Как буду я беречь себя из-за тебя,
Сокровище, в груди хранимое, лелея
С неменьшей нежностью, чем нянюшка — дитя.
Не думай, что, когда мне смерть закроет веки,
Ты сердце сохранишь: я взял его навеки.

Перевод В.С. Лихачева

Нет, зеркалу меня не сделать стариком,
Покамест юность лет одних с тобою будет;
Когда ж замечу я на личике твоём
Морщину — о, тогда пусть смерть меня рассудит!
Краса, в которой ты судьбой заключена,
Мне сердце как плащом волшебным покрывает,
Так как она в тебе, мой ангел, обитает.
Ну как же мне, друзья, быть старей, чем она?
О, охраняй себя, подруга дорогая,
Как сам себя начну теперь я охранять,
Твое сердечко тем от бед оберегая,
Как хилое дитя заботливая мать!
Умру — о и своим ты сердце брось заботу;
Ведь ты мне отдала его без повороту.

Перевод Н.В. Гербеля

Мне зеркало не скажет, что я стар,
Пока и ты, и юность тех же лет.
Но чуть в тебе погаснет вешний жар,
Я буду ждать, чтоб смерть затмила свет.

Ведь блеск твоей небесной красоты –
Лишь одеянье сердца моего.
Оно в твоей, твое ж в моей груди,
Так как ему быть старше твоего?
Поэтому будь осторожен, милый,
И в сердце сердце буду холить я
Твое, ему все отдавая силы,
Как холит няня слабое дитя.
    Не взять тебе его назад, оно
    Не с тем, чтобы отнять, мне отдано.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXIII

As an imperfect actor on the stage
Who with his fear is put beside his part,
Or some fierce thing replete with too much rage,
Whose strength's abundance weakens his own heart,
So I, for fear of trust, forget to say
The perfect ceremony of love's rite,
And in mine own love's strength seem to decay,
O'ercharged with burden of mine own love's might.
O, let my books be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast,
Who plead for love, and look for recompense
More than that tongue that more hath more express'd.
O! learn to read what silent love hath writ:
To hear with eyes belongs to love's fine wit.

Как роль свою, робея, забывает
Актер, на сцену первый раз вступив,
Как в гневе нас невольно сил лишает
Чрезмерно сильный ярости прилив, —
Так я, из страха, что не дашь ты веры
Словам любви, сам забываю их,
И речь моя слабеет, хоть без меры
Сильна любовь: превыше сил моих!
Дозволь же книг моих цветистой речи

Быть толмачем немой любви моей:
Она достойна, верно, лучшей встречи,
Чем речь из уст, столь бледная пред ней!
Пойми, что в книге страсть безмолвно
пишет:
Разумная любовь очами слышит!

Перевод Н.А. Холодковского

Как молодой актер – не редко что бывает –
Затвержденную роль от страха забывает,
Иль пылкий человек, игралище страстей,
От силы чувств своих становится слабей:
Так точно и со мной! Излить речей любовных
Не смею я пред ней, не веруя в себя, –
И, страстно всей душой прекрасную любя,
Слабею и клонюсь в страданиях безусловных.
Так пусть стихи мои, как смелый проводник,
Предшествуют в пути словам моим безгласно
И молят о любви успешней, чем язык
Мой умолял тебя так часто и напрасно.
О, научись читать, что в сердце пишет страсть!
Глазами слышать лишь любви дано во власть.

Перевод Н.В. Гербеля

Как на подмостках юный лицедей
Внезапным страхом выбитый из роли, –
Иль как не в меру пылкий нрав людей

В избытке мощи непокорен воле, –
Так в миг признанья забываю я
Все правила любовного искусства,
Подавленный, теряю все слова
Под бременем восторженного чувства.
Прими ж мои творенья как немного
Предстателя клокочущей груди,
Который молит, ждет наград без слова
И глубже уст умеет потрясти.
Любви безмолвной речь учись читать,
Умей, глазами слыша, – понимать.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXIV

Mine eye hath play'd the painter and hath stell'd,
Thy beauty's form in table of my heart;
My body is the frame wherein 'tis held,
And perspective it is best painter's art.
For through the painter must you see his skill,
To find where your true image pictured lies;
Which in my bosom's shop is hanging still,
That hath his windows glazed with thine eyes.
Now see what good turns eyes for eyes have done:
Mine eyes have drawn thy shape, and thine for me
Are windows to my breast, where-through the sun
Delights to peep, to gaze therein on thee;
Yet eyes this cunning want to grace their art,
They draw but what they see, know not the heart.

В художника мой глаз мгновенно превратился
И светлый образ твой на сердце начертил,
Причем портрету стан мой рамой послужил;
Художника ж талант в том ясно проявился,
Что поместил он твой законченный портрет
В жилище сердца так, что ясных окон свет
Ему глаза твои и блеск их затемнили.
Так вот как нам глаза прекрасно послужили:
Мои – твой образ мне представили живым,

Твои же – служат мне проводниками света,
Дающими лучам полудня золотым
Возможность увидеть предмет любви поэта.
А все же одного глаза нам не дают:
Увидя, все поймут, но в душу не войдут.

Перевод Н.В. Гербеля

Мой взор, как живописец, закрепил
Твои черты в сокровищнице чувства:
Внутри меня, как в раму заключил
И оттенил по правилам искусства.
И только там сумеешь ты найти
Правдивое твоё изображение:
Оно висит в стенах моей груди,
Твои глаза там вместо освещения.
И вот, глаза глазам здесь услужили:
Мои – твой лик писали, а твои
Лучами света окна заменили,
И солнце шлет им радостно свои.
Но одного глаза не могут дать:
Рисуя лик, им сердца не видать.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXV

Let those who are in favour with their stars
Of public honour and proud titles boast,
Whilst I, whom fortune of such triumph bars
Unlook'd for joy in that I honour most.
Great princes' favourites their fair leaves spread
But as the marigold at the sun's eye,
And in themselves their pride lies buried,
For at a frown they in their glory die.
The painful warrior famoused for fight,
After a thousand victories once foil'd,
Is from the book of honour razed quite,
And all the rest forgot for which he toil'd:
Then happy I, that love and am beloved,
Where I may not remove nor be removed.

Пусть хвастают родством и почестями те,
Что увидали свет под счастья звездою;
Я ж счастье нахожу в любви – святой мечте,
Лишенный благ иных Фортуной молодою.
Любимцы королей, как нежные цветки,
Пред солнцем золотым вскрывают лепестки;
Но слава в них самих зарыта, как в могиле, –
И первый хмурый взгляд их уничтожить в силе.
Прославленный в боях герой на склоне лет,

За проигранный бой из тысячи побед,
Бывает исключен из летописей чести
И теми позабыт, из-за кого лил кровь.
Я ж рад, что на мою и на твою любовь
Никто не посягнет в порыве злобной мести.

Перевод Н.В. Гербеля

Пусть баловня изменчивой толпы
Пленяют блеск и внешние награды, –
А я, лишенный этих благ судьбы,
Таю в тиши сердечную отраду.
Любимцы королей свой пышный цвет –
Как лютик солнцу – к трону обращают,
Но гордости у них и следа нет:
Суровый взгляд их счастье убивает.
Герой войны, прославленный в боях,
Хоть раз вслед тысячи побед сраженный,
С вершины славы падает во прах,
Тем, за кого сражался, посрамленный.
А я, любя, тем счастлив, что любим,
Незаменимому – незаменим.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXVI

Lord of my love, to whom in vassalage
Thy merit hath my duty strongly knit,
To thee I send this written embassy,
To witness duty, not to show my wit:
Duty so great, which wit so poor as mine
May make seem bare, in wanting words to show it,
But that I hope some good conceit of thine
In thy soul's thought, all naked, will bestow it;
Till whatsoever star that guides my moving,
Points on me graciously with fair aspect,
And puts apparel on my tatter'd loving,
To show me worthy of thy sweet respect:
Then may I dare to boast how I do love thee;
Till then not show my head where thou
mayst prove me.

Мой властелин, твое очарованье
Меня к тебе навеки приковало.
Прими ж мое горячее посланье.
В нем чти не ум, а преданность вассала.
Она безмерна, ум же мой убог:
Мне страшно, что не хватит слов излиться...
О, если бы в твоих глазах я мог,
Любовию согретый, обновиться!

О, если бы любовная звезда
Могла мне дать другое освещение
И окрылила робкие уста,
Чтоб заслужить твое благоволение!
Тогда бы смел я петь любовь мою –
Теперь же, в страхе, я ее таю.

Перевод Н.В. Гербеля

Мой властелин, твое очарованье
Меня к тебе навеки приковало.
Прими ж мое горячее посланье.
В нем чти не ум, а преданность вассала.
Она безмерна, ум же мой убог:
Мне страшно, что не хватит слов излиться.
О, если бы в твоих глазах я мог,
Любовию согретый, обновиться!
О, если бы любовная звезда
Могла мне дать другое освещение
И окрылила робкие уста,
Чтоб заслужить твое благоволение!
Тогда бы смел я петь любовь мою –
Теперь же, в страхе, я ее таю.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXVII

Weary with toil, I haste me to my bed,
The dear repose for limbs with travel tired;
But then begins a journey in my head,
To work my mind, when body's work's expired:
For then my thoughts – from far where I abide –
Intend a zealous pilgrimage to thee,
And keep my drooping eyelids open wide,
Looking on darkness which the blind do see:
Save that my soul's imaginary sight
Presents thy shadow to my sightless view,
Which, like a jewel hung in ghastly night,
Makes black night beauteous, and her old face new.
Lo! thus, by day my limbs, by night my mind,
For thee, and for myself, no quiet find.

Усталый от трудов, спешу я на постель,
Чтоб членам отдых дать, дорогой утомленным;
Но быстро голова, дремавшая досель,
Сменяет тела труд мышлением напряженным.
И мысли из тех мест, где ныне нахожусь,
Паломничество, друг, к тебе предпринимают,
И, как глаза свои сомкнуть я ни стремлюсь,
Они их в темноту впиваться заставляют.
Но зрение души твой образ дорогой,

Рассеивая мрак, являет мне пред очи,
Который придает, подобно солнцу ночи,
Ей красоту свою и блеск свой неземной.
Итак – мой остов днем, а ум ночной порою
Не могут получить желанного покою.

Перевод Н.В. Гербеля

Измученный трудом, спешу на ложе,
Чтоб дать покой усталым членам тела;
Но мысли в голове, мой ум тревожа,
Стремятся в даль, не ведая предела.
Они летят, как бы обет свершая,
Паломником к владыке моему:
И я, очей печальных не смыкая,
Смотрю, но, как слепец, лишь вижу тьму,
Меж тем, как взор души воображает,
Рисуя тень твою слепым очам:
Она, как перл волшебный, обращает
Мрак ночи в день и дом смиренный – в храм.
Так, днем в трудах, а по ночам от дум,
Не знают сна ни плоть моя, ни ум...

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXVIII

How can I then return in happy plight,
That am debarr'd the benefit of rest?
When day's oppression is not eased by night,
But day by night and night by day oppress'd,
And each, though enemies to either's reign,
Do in consent shake hands to torture me,
The one by toil, the other to complain
How far I toil, still farther off from thee.
I tell the day, to please him thou art bright,
And dost him grace when clouds do blot the heaven:
So flatter I the swart-complexion'd night,
When sparkling stars twire not thou gild'st the even.
But day doth daily draw my sorrows longer,
And night doth nightly make grief's length
seem stronger.

Как возвратиться мог я бодрым и веселым,
Когда отягощен был путь трудом тяжелым
И тягости дневной не облегчала тень,
Когда день ночь теснил, а ночь томила день –
И оба, меж собой враждуя, лишь зарями
Сближались затем, чтоб угнетать меня,
Один – трудом дневным, другая же, скорбя,
Что я тружусь один, – слезами и мольбами.

Чтоб угодить, я дню твержу, что ты светла
И свет ему даешь, когда на небе мгла,
А ночи говорю, что взор твой позлащает
Глубь тьмы ее, когда в ней месяц потухает.
Так умножает грусть мне каждый новый день,
А ночь, сходя вослед, усиливает тень.

Перевод Н.В. Гербеля

Как я могу вернуть себе покой,
Лишенный сна и благ отдохновенья?
Мне ночь не облегчает труд дневной,
День вносит в ночь, ночь вносит в день мученья.
И день, и ночь, забыв вражду друг с другом,
Чтоб сжить меня, друг другу руку дали,
Один трудом, другой – как злым недугом,
При мысли о меж нас лежащей дали.
Чтоб дню польстить, сказал я, что ты ясен,
Когда нет солнца, только в неполаду;
А ночи – что ты можешь быть прекрасен,
Когда не красят звезды неба своды.
Но ежедневно скорбь моя длиннее,
А ночью сила горя все сильнее.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXIX

When, in disgrace with fortune and men's eyes
I all alone beweep my outcast state,
And trouble deaf heaven with my bootless cries,
And look upon myself and curse my fate,
Wishing me like to one more rich in hope,
Featured like him, like him with friends possess'd,
Desiring this man's art and that man's scope,
With what I most enjoy contented least;
Yet in these thoughts myself almost despising,
Haply I think on thee, – and then my state,
Like to the lark at break of day arising
From sullen earth, sings hymns at heaven's gate;
For thy sweet love remember'd such wealth brings
That then I scorn to change my state with kings.

Когда, гонимый злом, Фортуной и друзьями,
Оплакиваю я несчастье свое,
Стараюсь твердь смягчить напрасными мольбами
И проклиная все – себя и бытие;
Когда я походить желаю на благого,
Иметь его черты, иметь его друзей,
Таланты одного и доблести другого
И – недоволен всем, всей внешностью своей:
Тогда – хоть я себя почти что презираю –

При мысли о тебе, как ласточка с зарей,
Несущаяя ввысь над дремлющей землей,
Свой гимн у врат небес я снова начинаю,
Затем что, раз в любви явившись богачом,
Не поменяюсь, друг, я местом с королем.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда, гонимый и людьми, и роком,
Один с собой, в отчаянии диком,
Я глушь небес тревожу тщетным криком,
Гляжу на мир ожесточенным оком,
Желая быть надеждами богаче,
Красивее, всегда среди друзей,
Искуснее, не зная неудачи,
И ненавижу все в судьбе моей, –
Я, сам себя за это презирая,
Вдруг вспомню о тебе – и в небеса
(Как жаворонок на заре с лица
Земли) несу мой гимн в преддверье рая...
Так, только вспомнив о любви твоей,
Я презираю жребий королей.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXX

When to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste:
Then can I drown an eye, unused to flow,
For precious friends hid in death's dateless night,
And weep afresh love's long since cancell'd woe,
And moan the expense of many a vanish'd sight:
Then can I grieve at grievances foregone,
And heavily from woe to woe tell o'er
The sad account of fore-bemoaned moan,
Which I new pay as if not paid before.
But if the while I think on thee, dear friend,
All losses are restor'd and sorrows end.

Когда наедине я мыслью пробегаю
Тяжелый длинный ряд пережитых потерь,
О скольких близких мне я тяжело вздыхаю,
О скольких радостях, несбыточных теперь.
И плачу я о тех, кто в холоде могилы
Нашел себе покой от жизненных скорбей,
И снова предо мной, исполненные силы,
Встают знакомые мне образы людей.
И снова предо мной мои воспоминанья,

И бесконечный ряд пережитых невзгод,
И слезы прошлые, и прошлые страдания,
Я с вами вновь свожу наш позабытый счет.
И если в этот миг тебя я вспоминаю,
Забыто прошлое, я слезы отираю.

Перевод И.А. Мамуны

Когда, в мечты свои душою погруженный,
Я вспоминаю путь, когда-то мной пройденный,
Мне много вспоминать приходится потерь
И сгибшее давно оплакивать теперь.
Отвыкшие от слез глаза их вновь роняют
По дорогим друзьям, что мирно почивают –
И, плача о своих остынувших страстях,
Я сетую о злом оплаченных мечтах.
И я над чашей зол испитых изнываю
И в памяти своей, скорбя, перебираю
Печальный счет всего, что в жизни пережил,
Выплачивая то, что раз уж уплатил.
Но если о тебе при этом вспоминаю –
Всем горестям конец: я счастье обретаю.

Перевод Н.В. Гербея

Когда в тиши, средь думы молчаливой,
Я вызываю память дней былых,
Оплакиваю смерть поры счастливой,
По-прежнему скорбя о тенях дорогих, –

Когда иссохшие влажнеют очи,
И, горестно тоскуя о друзьях,
Сокрытых смертью в беспросветной ночи,
Я воскрешаю облик их в слезах;
Тогда, печалясь о былой печали,
Я возвращаю им мою любовь,
Как будто слез моих они не знали
И ждали быть оплаканными вновь...

Но только вспомню о тебе, мой милый,
Все прошлое покрыто вновь могилой.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXI

Thy bosom is endeared with all hearts,
Which I by lacking have supposed dead,
And there reigns Love, and all Love's loving parts,
And all those friends which I thought buried.
How many a holy and obsequious tear
Hath dear religious love stol'n from mine eye,
As interest of the dead, which now appear
But things removed that hidden in thee lie!
Thou art the grave where buried love doth live,
Hung with the trophies of my lovers gone,
Who all their parts of me to thee did give;
That due of many now is thine alone:
    Their images I loved I view in thee,
    And thou – all they – hast all the all of me.

Твоя прияла грудь все мертвые сердца;
Их в жизни этой нет, я мертвыми их мнил;
И у тебя в груди любви их нет конца,
В ней все мои друзья, которых схоронил.
Надгробных пролил я близ мертвых много слез,
Перед гробами их как дань любви живой!
Благоговейно им, умершим, в дань принес;
Они теперь в тебе, они живут с тобой.
И смотришь ты теперь могилую живой,

На ней и блеск, и свет скончавшихся друзей,
Я передал их всех душе твоей одной,
Что многим я давал, то отдал только ей.
Их лики милые в себе объедини,
Имеешь также ты своим – всего меня!

Перевод К.К. Случевского

Мой друг, в твоей груди сердца те обитают,
Что – думал я – в стране теней уже витают;
Царят же в ней любовь с утехами ея
И для меня давно погибшие друзья.
Как много слез любовь коварно похитила
Из глаз моих как дань погибнувшим друзьям,
Тогда как ты их всех в себе самой укрыла –
И вот до этих пор лежат они все там!
Могила ты, где страсть живет, как под землею,
Украшенная вдруг трофеями друзей,
Отдавшими тебе все данное им мною –
И вот принадлежит все вновь тебе, моей.
Ты образами их в глазах моих светлеешь
И через них теперь всего меня имеешь.

Перевод Н.В. Гербеля

В твоей груди вместились все сердца,
Которых я, лишась, считал теньями:
И там царит вся нежность без конца,
Что схоронил я с прежними друзьями.

Как много слез и стонов к небесам
Благоговейной дружбою пролито
Над гробом их! Но вижу – нет их там:
Они в тебе покоются, сокрыты.
Ты – усыпальница любви живой
С трофеями любви похороненной
Былых друзей. Они слились с тобой
В хранилище любви объединенной!
Их образы в твоём лице нося,
Ты с ними мне отныне все и вся.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXII

If thou survive my well-contented day,
When that churl Death my bones with dust shall
cover,
And shalt by fortune once more re-survey
These poor rude lines of thy deceased lover,
Compare them with the bettering of the time,
And though they be outstripp'd by every pen,
Reserve them for my love, not for their rhyme,
Exceeded by the height of happier men.
O, then vouchsafe me but this loving thought:
'Had my friend's Muse grown with this growing age,
A dearer birth than this his love had brought,
To march in ranks of better equipage:
But since he died and poets better prove,
Theirs for their style I'll read, his for his love'.

Когда в блаженный час от жизни отойду,
И ты переживешь меня и невзначай
Прочтешь мои стихи, что в рифму я кладу,
Ты неумелости стиха не замечай!
С годами уровень людских умов растет;
Писанья лучшие в законный срок придут!
Но ты люби мой стих; ведь в нем любовь живет,
Любовью, мнится мне, меня не превзойдут!

И в благосклонности к нему скажи скорей,
Что если б я, твой друг, я был еще в живых
И дожил до иных, намного лучших дней –
То стал бы я писать не хуже всех других.
Когда б не умер я, твой друг, я лучше б стал –
Они стихом берут, а я любовью взял.

Перевод К.К. Случевского

О, если ты тот день переживешь печальный,
В который смерть меня в ком грязи превратит,
И будешь этот гимн просматривать прощальный,
Исшедший из души того, кто уж зарыт, –
Сравни его стихи с позднейшими стихами –
И сохрани его не ради рифм пустых,
Подбор которых так приятен для иных,
А ради чувств моих, измученных страстями.
Ты вспомни обо мне тогда – и возвести:
«Когда бы с веком мог талант его расти,
Любовь бы помогла создать ему творенья,
Достойные стоять всех выше, без сомненья;
Но так как он в гробу, певцы ж родятся вновь,
То буду всех читать: им – честь, ему – любовь».

Перевод Н.В. Гербеля

О, если ты меня переживешь,
Когда давно истлеет тело это,
И как-нибудь случайно перечтешь

Нескладный стих поклонника-поэта, –
Сравни его с стихом позднейшим века,
И, хоть он много будет превзойден,
В нем чтя не рифмы, – сердце человека,
Который был тобой поработан, –
Утешь меня, любовно помышляя:
«Когда б стихи покойника могли
Идти за веком, дружбу воспевая,
Они бы лучших слогом превзошли.
Но раз, что умер он, я чту искусство
У стихотворцев века, в нем же – чувство».

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXIII

Full many a glorious morning have I seen
Flatter the mountain-tops with sovereign eye,
Kissing with golden face the meadows green,
Gilding pale streams with heavenly alchemy;
Anon permit the basest clouds to ride
With ugly rack on his celestial face,
And from the forlorn world his visage hide,
Stealing unseen to west with this disgrace:
Even so my sun one early morn did shine
With all-triumphant splendour on my brow;
But out, alack! he was but one hour mine;
The region cloud hath mask'd him from me now.

Yet him for this my love no whit disdaineth;
Suns of the world may stain when heaven's
sun staineth.

Не раз я видел, как восход багряный
Вершины гор властительно ласкал,
И целовал зеленые поляны,
И в бледных речках золотом сверкал;
Иль солнца лик блестящий, ярче злата,
Покрову туч давал себя затмить
И, крадучись, незримый, до заката
Старался взор свой недовольный скрыть.

Так для меня в час утренний, ликуя,
Сияло солнце сердца моего, –
Увы, на краткий час! С тех пор, тоскуя,
За мглою туч не вижу я его...
Что ж! Солнце неба меркнет столь бесславно
Пред тучами: земное – и подавно.

Перевод Н.А. Холодковского

Как часто видел я прекрасную Аврору,
Когда златились вокруг луга, холмы и лес,
Покорные ее ласкающему взору,
И рдели ручейки алхимией небес.
Но тучам вслед, она покорно позволяла
Топтать в пути свое небесное лицо –
И, нисходя с небес, позорно укрывала
На западе во тьме лучей своих кольцо.
Увы, так и мое светило дня сначала
Победно надо мной горело и блистало,
Явившись лишь на миг восторженным очам!
Теперь же блеск его вновь туча затмевает.
Но страсть моя за то его не презирает:
Пусть меркнет солнце здесь, коль нет его и там!

Перевод Н.В. Гербеля

Как часто по утрам светило дня –
Вершины гор по-царски украшая,
И золотя зеленые поля,

И радугой потоки освещая, –
Дает внезапно безобразной туче
Его небесный лик заволокнуть
И, спрятав от земли свой облик жгучий,
Незримо к западу свершает путь.
Так солнце сердца чуть лишь озарило
Всеторжествующе мое чело,
Как туча черная его затмила,
Но не затмила чувства моего...
Земных ли солнц бессменно светел луч,
Коль солнцу неба не избежать туч?!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXIV

Why didst thou promise such a beauteous day
And make me travel forth without my cloak,
To let base clouds o'ertake me in my way,
Hiding thy bravery in their rotten smoke?
'Tis not enough that through the cloud thou break,
To dry the rain on my storm-beaten face,
For no man well of such a salve can speak
That heals the wound and cures not the disgrace:
Nor can thy shame give physic to my grief;
Though thou repent, yet I have still the loss:
The offender's sorrow lends but weak relief
To him that bears the strong offence's cross.
    Ah! but those tears are pearl which thy love sheds,
    And they are rich and ransom all ill deeds.

Зачем пророчить день такой прекрасный было
И приказать мне в путь пуститься без плаща,
Чтоб облако в пути чело мне омрачило
И взор лишило мой очей твоих луча?
Что пользы в том, что луч тот, выйдя из-за тучи,
Следы дождя на мне способен осушить?
Не станет же никто хвалить бальзам пахучий,
Что и врачую, боль не в силах уменьшить.
Так и в стыде твоём не будет исцеленья,

А сожаленье мне утрат не возвратит,
Затем что не найти в отмщенье облегченья
Тому, кто уж несет тяжелый крест обид.
Слеза ж твоя – жемчуг, уроненный любовью:
Она лишь искупить все может, словно кровью.

Перевод Н.В. Гербеля

Зачем ты чудный день мне посулил?
Я вышел без плаща, и туча злая
Мне преградила путь. Дождь ливня лил,
И лик твой светлый скрыла мгла сырая.
Мне мало, что твой луч блеснет на миг,
Следы дождя с лица мне осушая:
Почет тому бальзаму невелик,
Что лечит рану, боли не смягчая.
Твой стыд, мой друг, не есть еще награда.
От сожалений язва не пройдет.
Печаль обидчика – ничтожная отрада
Тому, кто крест лишения несет.
Но капля слез твоих, как перл бесценный,
Для всяких зол целитель несомненный!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXV

No more be grieved at that which thou hast done:
Roses have thorns, and silver fountains mud;
Clouds and eclipses stain both moon and sun,
And loathsome canker lives in sweetest bud.
All men make faults, and even I in this,
Authorizing thy trespass with compare,
Myself corrupting, salving thy amiss,
Excusing thy sins more than thy sins are;
For to thy sensual fault I bring in sense, –
Thy adverse party is thy advocate, –
And 'gainst myself a lawful plea commence:
Such civil war is in my love and hate
    That I an accessary needs must be,
    To that sweet thief which sourly robs from me.

К чему о сделанном твои мученья?
У розы есть шипы, в фонтанах тина,
Луна и солнце ведают затмения,
Червей таит бутонов сердцевина.
Все люди ошибаются – я с ними,
Искусно подбирая здесь сравненья,
Готов ошибки называть пустыми,
Чтоб оправдать и больше преступленья.
Я чувственность рассудком разбираю,

Ее врага в защитники зову я.
Так сам с собой я тяжбу начинаю,
А ненависть с любовью ждут, враждуя,
Как буду я, ограбленный тобою,
Мой милый вор, потворствовать разбою.

Перевод Б.В. Бера

Довольно о своем проступке сожалеть:
На розе есть шипы и грязь в ручье сребристом;
И солнцу, и луне случается тускнеть;
Живет же и червяк в венце цветка душистом.
Все грешны на земле – и сам в том грешен я,
Что поощрял твои сравнением проступки.
Льщусь подкупить себя, чтоб оправдать тебя –
И нахожу исход грехам моей голубки.
Не будет речь моя к грехам твоим строга:
Став адвокатом вновь из прежнего врага,
Я строгий иск начну против себя – и скоро
Меж страстию моей и ненавистью злой,
Кипящими в груди, возникнет ярый бой
Из-за проказ со мной хорошенького вора.

Перевод Н.В. Гербеля

Мой друг, поступок твой предай забвению!
У розы есть шипы, есть ил в ключе,
У солнца и луны – туман, затмения, –
Зловредный червь встречается в цветке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.